

УДК 81-119

Н. И. Зубов

**ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАРПЕНКО И ЕГО КАФЕДРА
ОБЩЕГО И СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ¹**

Стаття присвячена деяким аспектам історії кафедри загального і слов'янського мовознавства ОНУ імені І. І. Мечникова. Представлений короткий нарис із науково-педагогічного життя її засновника і керівника члена-кореспондента НАН України, проф. Ю. О. Карпенка та його соратників і співробітників.

Ключові слова: кафедра загального і слов'янського мовознавства, ОНУ імені І. І. Мечникова, Одеська ономастична школа, славістика, історія мовознавства.

В сентябре 1973 года меня, студента-первокурсника филологического факультета Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова (бывшего Новороссийского и сейчас национального) кафедра общего и славянского языкознания привлекла своим названием сразу же. Тогда же мы узнали, что кафедра была сформирована в 1968 г. в связи с переездом в Одессу из Черновицкого университета молодого и очень талантливого доктора филологических наук Ю. А. Карпенко (1929—2009)². Уже гораздо позже пришло понимание, что в известном смысле этот акт восстановил историческую справедливость: в Новороссийском университете с самого его основания в 1865 г. славістика и индоевропеистика (из которой и формировалось современное общее языкознание) занимали видное место. На соответствующих кафедрах славяноведения, русистики, индоевропеистики в разные времена работали такие выдающиеся филологи, как В. И. Григорович, В. В. Ягич, А. А. Кочубинский, А. И. Томсон, В. М. Истрин, Б. М. Ляпунов, М. В. Беляев и многие другие блистательные учёные.

В первый эшелон кафедральной команды во главе с проф. Ю. А. Карпенко вошли доценты К. Е. Гагкаев, Н. В. Павлюк, Н. Г. Рядченко, А. К. Смольская, ст. преподаватель Т. Т. Бевзенко. Уже к 10-летнему юбилею кафедра обрела прочный научный фундамент в виде Одесской

¹ Статья представляет собой текст доклада, подготовленного к IV Карпенковским научным чтениям (Одесса, 6—7 ноября 2014 г.)

² См.: Н. И. Зубов, Л. Ф. Фомина. Юрий Александрович Карпенко и Одесская ономастическая школа // Слов'янський збірник. — Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2011. — Вип. ХЦ—ХУ — С. 9—17.

ономастической школы, возглавляемой Ю. А. Карпенко. Состав кафедры тогда активно пополнялся вторым эшелоном её новых членов, а также целым рядом аспирантов и соискателей. Среди них посчастливилось стать и мне.

К тому времени Н. В. Павлюк, будучи талантливым историком славянских языков и имея иные научные приоритеты, давно ушёл на заведование соседней кафедрой русского языка. Нам выпала удача слушать у него курс исторической грамматики. Помнится, почти каждую лекцию он начинал какой-либо лингвистической задачей и с удовольствием, с интригующей улыбкой постепенно выводил нас на верное решение, оставляя озарение маленького открытия. А ещё запомнился он изысканной одесской интеллигентностью, старомодной манерой приподнимать шляпу в приветствии на улице, абсолютной доброжелательностью и всегда внимательным мудрым взглядом.

Так же и Т. Т. Бевзенко вскоре после защиты кандидатской диссертации перешла на кафедру украинского языка, которую возглавлял её муж проф. С. Ф. Бевзенко, известный историк украинского языка и диалектолог. Она прекрасно знала польский язык, была красивой, яркой женщиной, контактной, доброй, матерински участливой в отношении к студентам. На празднованиях дня факультета во время традиционной пресс-конференции, когда студенты могли задавать преподавателям разные каверзные и весёлые вопросы, одним из коронных был вопрос к Степану Филипповичу: «Как Вы объяснялись в любви своей будущей жене?» А он, инвалид Великой Отечественной войны, которому трудно было ходить после тяжелейшего ранения, отвечал застывшей до звона, наперёд знавшей ответ аудитории: «Без слов!» И девичий зал взрывался ликованием!

Впрочем, подобные воспоминания будут приходить потом. Пока что кафедра общего и славянского языкознания предстала перед нами, первокурсникам, в лице двух доцентов — Н. Г. Рядченко и А. К. Смольской. За Нинелью Григорьевной стоял ореол её работы в Англии и на Кубе, где она преподавала русский язык как иностранный и, конечно же, ореол славы её мужа — известного одесского поэта Ивана Рядченко. В выборе языковедческой специализации не последнюю роль для поколений студентов сыграли её лекции по введению в языкознание, которые она читала очень доходчиво и увлекательно. Она многое давала нам сверх программы. От неё мы узнали о студенте филологического факультета Одесского государственного университета

М. М. Копыленко, который с третьего курса ушёл на войну, а после фронтов Великой Отечественной работал доцентом кафедры классической филологии ОГУ. Затем в 1957 г. уехал в Алма-Ату, где стал выдающимся казахским учёным с мировым именем, одним из первых наших этнолингвистов того времени. Узнали также о другом выпускнике ОГУ — В. В. Мартынове, 18 лет ушедшем на фронт, окончившем в 1948 г. филологический факультет ОГУ, заведовавшем кафедрой иностранных языков, а затем уехавшем в Минск, где он также стал учёным с мировым именем.

Помнится, с каким пиететом рассказывала нам Н. Г. Рядченко о К. Е. Гагкаеве — личности масштабной, колоритной, с кавказским темпераментом и амбициозной, человеком, состоявшим в научной переписке со многими западными учёными, в том числе с самим Э. Бенвенистом.

У нас потом проф. К. Е. Гагкаев читал общее языкознание на 5 курсе, читал иногда довольно сумбурно, эмоционально, ругательски ругал Бенедетто Кроче, Фосслера, неолингвистов, глоссематиков, менталистов с бихевиористами и прочая и прочая. Но при этом как-то так, между прочим, в итоге представляла целостная картина идей западной лингвистики. Мне самому не раз и не два приходилось убеждаться в эрудиции этого человека и понимать уже задним числом, что за услышанными в студенческие времена репликами, подсказками, замечаниями Константина Егоровича была скрыта его фундаментальная подготовка. Учёные Кавказа сегодня свято чтут его имя.

Всё же по-особому впечатлила А. К. Смольская. Первая лекция по старославянскому языку помнится как вчера: таблицы знакомо-неузнаваемой кириллицы и таинственной в начертаниях глаголицы, изображения икон Кирилла и Мефодия, ломающие наши атеистические стереотипы, Солунь, Хазарская миссия Константина-Кирилла, Крым, Херсонес, Велико-Моравское княжество, черноризец Храбр. «Какое доблестное имя!» — сказала тогда Аделаида Константиновна, улыбающаяся, увлечённая темой. Много-много времени спустя, её уже почти 10 лет не было среди нас, мне случайно всплыл в Интернете отзыв кого-то из бывших её студентов: «Аделаида Константиновна знала старославянский как родной язык».

К студенческой науке привлекла меня тоже А. К. Смольская. Уже на старших курсах по поручению Ю. А. Карпенко были студенческие командировки в сёла Одесской области — Черногорку, Славяносерб-

ку, Сербь, где на месте мы отыскивали хоть какие-то крохи сведений о сербах-граничарах, основавших эти некогда военизированные поселения. Потом отдельный оттиск статьи, написанной в соавторстве с А. К. Смольской, где была и ссылка на нашу студенческую помощь в собирании материала, Юрий Александрович подарил каждому из нас с памятной надписью. Этот дорогой подарок на всю жизнь стал уроком научной корректности и образцом высокой нравственности учёного.

К сожалению, на русском отделении Юрий Александрович тогда лекций не читал. Поэтому мой научно-студенческий рост планировался под руководством А. К. Смольской. В её группе на втором курсе были получены основы знаний сербского языка, она же организовала для меня редкую по тем временам для университета командировку в летнюю школу сербохорватского языка в Югославии, с ней уже потом обсуждалась возможная тема будущих исследований — мне она виделась на материале немецких лексических заимствований в сербском языке. Кстати, судьбе было угодно, чтобы тема откликнулась к итоговому годам научной деятельности, когда я оставил филологический факультет и перевёлся профессором на факультет РГФ нашего университета.

А тогда сложилось так, что меня взял под своё руководство Юрий Александрович. Были многие студенческие конференции. Больше всего запомнилась конференция в 1978 г. в Екатеринбурге (тогда это был Свердловск). Кульминацией стала встреча с большим научным и личным другом Ю. А. Карпенко проф. А. К. Матвеевым. Александр Константинович, которого мы успели особенно полюбить за дни конференции и уже знали, что в близком окружении его зовут АКМ. Он специально собрал нас, гостей из других городов и республик огромной страны СССР, подробно расспрашивал о наших научных руководителях, передавал им приветствия. Тогда он прочитал нам лекцию о том, что такое филологическая наука, какой самоотдачи и какого непрерывного труда требует она от настоящего учёного. Если искать метафору для оценки этого события в моей жизни, то его можно сравнить с совершением хаджа в научную Мекку. С тех пор духовная связь с Екатеринбургом не прерывалась.

Тема моих научных исследований по славянской теонимии предопределилась встречей Ю. А. Карпенко с Н. И. Толстым, будущим академиком, основателем и главой Московской этнолингвистической школы, на одной из конференций, где Н. И. Толстой подчеркнул, что

славянские духовные древности — одно из интереснейших направлений современной славистики.

В 1978 году после скоропостижной смерти Н. В. Павлюка Ю. А. Карпенко переходит сюда на заведование, переведя и меня в аспирантуру при этой же кафедре. А на кафедру общего и славянского языкознания возвратиться мне довелось только через 12 лет доцентом. Практически сразу же после возвращения выпала честь возглавить её. В какую-то из первых недель заведования состоялся долгий разговор с проф. А. К. Смольской о судьбе кафедры, её проблемах и перспективах. Попрощались мы в тот день научными союзниками. В определённом смысле с того разговора начался новый этап в жизни кафедры.

Надо сказать, что рядом с Аделаидой Константиновной было не просто. Она была генератором идей. А при этом в работе выявляла максималистскую требовательность, не мирилась с ленью, неисполнительностью. Кстати сказать, особенно высокую планку держала А. К. Смольская в моральных аспектах научной и преподавательской работы. При малейшем проявлении недобросовестности со стороны кого-либо из своих учеников Аделаида Константиновна бескомпромиссно и открыто резко отказывалась сотрудничать с ним. Столь же требовательным к научной добросовестности был и Юрий Александрович, который хотя и был гораздо деликатнее в выражении своего отношения, но сознательно недобросовестного ученика навсегда терял из поля зрения. Это тоже была школа воспитания научной нравственности.

Если же сравнивать Ю. А. Карпенко и А. К. Смольскую в целом, то первый был в научной жизни фигурой самодостаточно-равновесной. Я как-то назвал его гуманитарным Солярисом и потом не раз повторял эту мысль. Он знал всё. Он сам по себе был школой. Его влияние на нас можно сравнить с гравитацией: она везде — и как бы без источника.

Для А. К. Смольской нужны были совершенно другие условия научного обитания — в центре она, а вокруг её подопечные: «А! Что говорила Аделаида Константиновна!» — любила сказать она с улыбкой при подходящем случае. Таким естественным центром была кафедра. Ей были отданы 40 лет жизни Аделаиды Константиновны из 45 лет на факультете и из 50 лет научно-педагогической деятельности в целом. Эфедру она любила превыше всего. Любила беззаветно. Эфедра была её жизнь, её оплот. Не одному студенческому поколению помнятся организуемые А. К. Смольской вечера в честь Дня славянской культуры

и письменности 24 мая. А надо сказать, что празднование этой даты в стране было отменено после 1917 г. и только в 1985 г. объявлено официальным праздником. Так что А. К. Смольская, отмечая со студентами день, который православной церковью обозначен как День Солунских братьев, проявляла известное гражданское мужество в стране атеистической идеологии. К этому событию собиралась посильная складчина, накрывались столы, ставился сок, минералка, подавались чай, кофе, печенье, готовился концерт. Если была удача и в городе в этот момент оказывались туристы из славянских стран — такие туристы оказывались у нас на факультете, благо мы, гиды Международного бюро молодёжного туризма «Спутник», сплошь были либо студентами-старшекурсниками, либо выпускниками филфака, в том числе учениками Аделаиды Константиновны.

Сравнивая Ю. А. Карпенко и А. К. Смольскую, надо отметить ещё одну объединяющую их черту по отношению к своим ученикам. Оба были организаторами в преодолении разных ученических проблем: конференции, командировки, публикации, консультации других учёных, трудоустройство с рекомендациями и многое другое — всё это было при их участии. Однако и здесь они были разными. Юрия Александровича можно сравнить с ледоколом, который мощно и внешне легко прокладывал путь для следовавших в фарватере учеников. Аделаиду Константиновну я сравнил бы с осадным тараном, который терпеливо и методично пробивает брешь в бюрократических твердынях. Не их вина, что не всегда им удавалось сделать для своих учеников то, что они хотели...

Самой большой любовью А. К. Смольской был сербский язык, Сербия и сербохорваты и слависты вообще. О ленинградских, московских, львовских, киевских, югославских коллегах она вспоминала часто. Эти коллеги, частью известные нам по учебникам или по научным публикациям, а большей частью мы слышали о них впервые, представляли живыми людьми, представляли в их характерах, эпизодами встреч, научных связей и взаимоотношений: выпускник Новороссийского университета и сербский академик С. М. Кульбакин, львовский сорабист К. К. Трофимович, сербохорваты и слависты московские В. П. Гудков, Т. П. Попова, А. С. Новикова, Г. Г. Тяпко, ленинградские П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов, сербские учёные Павле Ивич, Радмил Мароевич, Злата Бойович, Драгана Мршевич, Александр Лома, Милица Гркович, Лиляна Суботич и многие-многие другие... Она

относилась к ним, и живым и уже ушедшим давно или в недавние годы, трепетно. Иногда казалось, что Аделаида Константиновна у нас — прикомандированный научный полпред кафедры славистики МГУ им. М. В. Ломоносова, или Ленинграда, или Белграда.

После Юрия Александровича Аделаида Константиновна стала подлинным мотором научной жизни кафедры. Она организовала кафедральный научный сборник. Его базой стала регулярная Международная Кирилло-Мефодиевская конференция, идейным вдохновителем которой и главным организатором тоже была А. К. Смольская. При этом она по-прежнему всегда умело украшала научные встречи: они проводились то на базе болгарского консульства, то в центре болгарской культуры, то в центре греческой культуры, то в Одесском литературном музее, на них приглашались интересные и знаковые люди — богословы, политики, дипломаты, артисты. Это всегда был праздник. Через наши очень скоро ставшие знаменитыми в Украине и заметными за рубежом конференции и через публикации в сборнике прошли многие будущие доктора наук и большие десятки будущих кандидатов наук. Для меня, например, реальный курс на докторскую диссертацию был взят именно благодаря этим конференциям при постоянном ободрении со стороны Юрия Александровича, Аделаиды Константиновны и ещё одного большого учёного — зав. кафедрой русского языка, профессора не только по должности, но и по большим научным и человеческим достоинствам Д. С. Ищенко. Это была лучшая триада факультетских учёных-языковедов своего поколения.

Состав кафедры тем временем постепенно менялся. В какой-то момент ушла, к большому общему сожалению, на пенсию Н. Г. Рядченко, посвятив себя приведению в порядок творческого архива умершего мужа. С большим огорчением расставался я с доц. В. М. Терзи, очень хорошим дипломированным филологом-болгаристом (Ленинградский университет) и кандидатом наук тоже в области болгарского языка. От кафедры отпочковалась во главе с проф. В. А. Колесник секция болгаристики, трансформировавшись в кафедру болгарской филологии. К слову сказать, в научной проблематике проф. В. А. Колесник на совершенно новом высоком научном уровне отразились замыслы-мечты первого декана историко-филологического факультете Новороссийского Императорского университета В. И. Григоровича об изучении болгарских переселенческих говоров Херсонской губернии. Это хороший пример переклички идей в науке.

А. К. Смольская, единственная из оставшихся до конца жизни на кафедре членов первого призыва, в последний раз пришла на работу в один из майских дней 2004 г. В кафедральной почте её ожидало приглашение из Белграда на традиционную осеннюю встречу сербистов в Дни Вука Караджича. Этими встречами она жила, всегда ожидала их с нетерпением. В этот раз не судилось. Не стало Аделаиды Константиновны 10 июня в том же году. А ещё через 5 лет 10 декабря 2009 г. ушёл в вечную жизнь и Ю. А. Карпенко. Закончился более чем сорокалетний срок его прижизненного духовного присутствия на созданной им кафедре общего и славянского языкознания, а с этим закончился этап профессоров первого призыва в истории кафедры.

В заключение хотелось бы коснуться одной особенности модуса существования Одесской ономастической школы. Как известно, научная школа требует трёх основополагающих элементов — глава школы с ярким комплексом научных идей, его ученики и последователи, организационная платформа (в общем случае — кафедра). Такой школой была школа Ю. А. Карпенко в период до его ухода с заведования кафедрой общего и славянского языкознания. Далее школа продолжилась под его же лидерством на кафедре русского языка и кафедре украинского языка. А с уходом из жизни Юрия Александровича центр школы, оставшейся жить в нас, его учениках, разнесённых и рассредоточенных по разным кафедрам, факультетам, вузам Украины, переместился на факультет романо-германской филологии ОНУ им. И. И. Мечникова, где научное дело отца организационно и идейно продолжает его дочь зав. кафедрой грамматики английского языка, д. филол. н., проф. Е. Ю. Карпенко.

Второй научной линией кафедры общего и славянского языкознания естественно оказалась славистика, столь достойно возглавленная проф. А. К. Смольской и ставшая доминирующей после ономастики. Но сегодня с учётом рамок и регламента наших научных чтений нет времени обратиться к этой линии. Напомню только, что в этом году исполнилось 10 лет, как с нами нет Аделаиды Константиновны. Эта дата попадает в рамки славянских и славистических празднований Дня славянской культуры и письменности (Чехия празднует дату 5 июля). Вместе с тем сигнальный экземпляр сборника статей памяти А. К. Смольской, который нам только что продемонстрировал декан Е. М. Черноиваненко во время вступительного слова, даёт кафедре прекрасный повод отметить эту дату. Пользуясь случаем, прошу

кафедру зарезервировать на презентации место для меня с докладом. А ведь мне есть что сказать о кафедральной славистике.

Сама же кафедра общего и славянского языкознания периода её руководителя Ю. А. Карпенко и его соратников ушла в историю Одесского национального университета им. И. И. Мечникова и осталась там навсегда яркой страничкой этой истории.

Спасибо всем присутствующим за внимание. Вечная наша благодарность тем, кто создал кафедру общего и славянского языкознания ОНУ им. И. И. Мечникова, кто нас выучил, образовал! Вечная благодарность нашему Учителю, в память которого мы сегодня собрались! Мы всех их помним с любовью.

Зубов Н. И.

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАРПЕНКО И ЕГО КАФЕДРА ОБЩЕГО И СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Статья посвящена некоторым аспектам истории кафедры общего и славянского языкознания ОНУ имени И. И. Мечникова. Представлено краткое описание научно-педагогической жизни ее основателя и руководителя члена-корреспондента НАН Украины, проф. Ю. А. Карпенко и его соратников и сотрудников.

Ключевые слова: кафедра общего и славянского языкознания, ОНУ имени И. И. Мечникова, Одесская ономастическая школа, славистика, история языкознания.

Zubov N. I.

YURIY ALEKSANDROVICH KARPENKO AND HIS CHAIR OF GENERAL LINGUISTICS

The article is devoted to some aspects of history of Department of the General and Slavic Linguistics of Odessa I. I. Mechnikov National University. The short sketch from scientific and pedagogical life of its founder and head, and the corresponding member of the National Academy of Sciences of Ukraine, Prof. Yu. A. Karpenko and his colleagues and employees is presented.

Key words: Department of the General and Slavic Linguistics, Odessa I.I. Mechnikov National University, Onomastic School of Odessa, Slavic studies, linguistics history.